

Дмитрий МИТЮРИН

«МЫ ВЕДЬ ВАС РАССТРЕЛЯТЬ МОЖЕМ»

Василий Леонтьев в ГПУ на Гороховой улице

Василий Васильевич Леонтьев стал шестым по счёту лауреатом Нобелевской премии по экономике и первым русским, удостоившимся столь престижной научной награды. Разработанный им метод «сатраты — выпуск» считается одной из основ современной науки. Практическая ценность этой теории была подтверждена опытом ФРГ, Франции, Италии, Китая, японским «экономическим чудом»...

Воистину не знаешь, что для человека беда, а что благо. Возможно, всего этого не было бы, не попадись холодной ноябрьской ночью 1922 года 16-летний студент Леонтьев чекистам, ловившим расклейщиков антисоветских листовок.

КРИТИЧЕСКИ МЫСЛЯЩАЯ ЛИЧНОСТЬ

Семья Леонтьевых считалась весьма обеспеченной и вела свою родословную с середины XVIII века. Несколько поколений его предков торговали ситцем, а дед был купцом первой гильдии и владельцем ситцевой фабрики. Отец выбрал другую стезю, став профессором экономики Санкт-Петербургского университета. Нахватавшись по молодости либеральных идей, он даже устраивал забастовку на фабрике собственного родителя. Позже учился за границей, где познакомился с дочерью богатого одесского торговца-еврея и выпускницей Бестужевских курсов (с правом преподавания в начальных еврейских школах) Златой Беккер.

Роман развивался стремительно. Да же слишком. 2 августа 1906 года Злата крестилась в мюнхенской православной церкви, получив новое имя — Евгения. 4-го влюблённые обвенчались, а уже на следующий день в одной из мюнхенских клиник у молодожёнов родился сын — Василий. 28 августа супруги уже находились в Петербурге, где крестили ребёнка по православному обряду в Спасо-Преображенской Колтовской церкви.

Детство и юность мальчика прошли в доме на Крестовском острове, принадлежавшем одному из братьев отца, бывшему главным управляющим фабрики Леонтьевых.

Родители общались со многими деятелями тойдашней богемы, а знаменитый художник Кузьма Сергеевич Петров-Водкин даже написал портрет восьмилетнего Васиеньки. Времени от времени родители помогали различным нелегальным партиям, до подкидывая им деньги, до предоставляя прибирающимся в Финляндию нелега-

лам свою дачу на Карельском перешейке. В общем, вели жизнь, обычную для состоятельной столичной интеллигенции. Но в 1917 году пастораль закончилась...

Фабрику национализировали, значительную часть имущества конфисковали. Кое-какие сбережения, впрочем, остались, и благодаря репетиторам Василий сумел получить образование, достаточное для поступления в Петроградский университет, где его отец по-прежнему подыгрывал в роли преподавателя. Обстановка не только в этом, но и в других питерских вузах была предельно политизированной. Студенты из числа «представителей бывших эксплуататорских классов» уже начали вытесняться представителями «класса-гегемона». Однако в среде учащейся молодёжи существовали оппозиционные настроения, причём эта оппозиционность вовсе не означала отрицания самой марксистской идеи.

Словно по сохранившейся ещё с дореволюционных времён традиции, критически мыслящие студенты видели альтернативу существующему режиму не в монархистах или кадетках, а в меньшевиках, эсерах или даже анархистах — в общем, во всех уже запрещённых партиях, которые в той или иной степени признавали социализм.

Чекисты пытались влиять на вузовские нравы. В качестве профилактической меры производились «чистки» среди профессуры, а один из преподавателей Леонтьева Питирим Сорокин летом 1922 года даже был принудительно выслан из России на знаменитом «философском пароходе»... Студенческая и профессорская среда контролировалась главным образом с помощью агентуры. О действенности и качестве этого контроля Василий Леонтьев получил представление только после своего ареста.

На старости лет в интервью исследова-

тельнице Светлане Колыдиной он вспоминал: «У меня большие дискуссии были с чекистами. В то время чекисты ведь были не просто полицейские. Они были интеллигенты, да-да, в ВЧК были интеллигенты. И даже искренне убеждённые интеллигенты. Конечно, они все мне говорили: «Мы вас ведь расстрелять можем». Но не расстреливали, а я долго с ними спорил, и я их не боялся. Это были совсем не такие следователи, как потом. И они меня выпустили».

Наверное, было бы интересно почитать записи разговоров двух интеллигентов, находившихся в столь неравноправном положении. Увы, в протоколах эти беседы не фиксировались. Материалы уголовного дела П-87820 (старая нумерация — 2477), хранящегося в управлении ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, освещают только фактическую сторону событий. Но и она достаточно интересна и позволяет представить, каким образом раскрывались дела о контрреволюции.

ГОЛОСА ИЗ ПОДПОЛья

Эта история началась за три дня до пятилетнего юбилея Октябрьской революции...

Согласно оперативной сводке Петроградского губернского отдела (ПГО) ГПУ от 4 ноября 1922 года, во всех районах города, за исключением Центрального, были расклеены печатные листовки контрреволюционного содержания, в ко-

торых подытоживались итоги пятилетнего большевистского правления и делался следующий печальный вывод: «От надежд и упований первых дней Октября не осталось камня на камне. Лишь в одном верны себе коммунисты и сохранили завет первых дней Октября — террор».

Прокламация была подписана Петроградским комитетом РСДРП, что означало авторство меньшевиков. Партия большевиков — некогда РСДРП (б) — к тому времени уже именовалась Российской коммунистической партией — РКП(б), а заглаженные в подполье меньшевики сохраняли общее партийное название в качестве «бренда».

Из расклевываемых были задержаны четыре человека. В Василеостровском районе:

— Леонтьев Василий Васильевич, 16 лет, родился в городе Мюнхене, студент 2 курса экономического факультета Петроградского университета, из дворян, беспартийный, сочувствующий РСДРП;

— Куприянова Ксения Сергеевна, 20 лет, уроженка Ярославской губернии, студентка 2 курса экономического факультета Петроградского университета, член РСДРП с 1922 года.

В Выборгском районе:

— Онслендер Исид Евсеевич, 20 лет, студент 1 курса Института медицинских знаний;

— Фришман Фин Абрам Моисеевич, преподаватель Коммунистического университета, 23 года.

В Московском районе расклевщиков удалось скрыться, перебравшись через проволоочное ограждение на огороды. При задержанных кроме листовок были найдены схемы с маршрутами движения, а у Онслендера и Фришмана Финна — самодельные шифры.

Всего было снято до 60 прокламаций, изъято — 30. Как отметил допрашивавший Леонтьева и Куприянову уполномоченный ОГПУ Краснышев, «от дачи существенных показаний задержанные отказались».

САМОЕ БОЛЬШЕЕ — ССЫЛКА?

Согласно протоколам первых двух допросов Леонтьева и Куприянову, произведенных 4 ноября в здании ПГО ГПУ на Горюховой улице, задержали их на углу Среднего проспекта и 11-й линии Васильевского острова.

Время ареста не указано, и здесь нам придется обратиться к интервью Леонтьева.

«В. Леонтьев. Мы с двумя другими студентами наклеивали плакаты и отправлялись ночью их расклеивать.

С. Колядина. Листовки?

В. Л. Нет, это были большие плакаты.

С. К. А какой был текст? О чем были эти плакаты?

В. Л. Мы требовали свободы. Свободы печати, свободы высказываний, свободы в

государстве. Протестовали против отстранения от преподавания наших профессоров.

Пошли мы их расклеивать в три часа ночи. Но, похоже, об этом знали заранее, потому что за нами следили почти с самого начала. Мы шли, клеили плакаты, а в полуволноте от нас шли люди, потом они нас нагнали, арестовали. И мы оказались на Горюховой».

Материалы уголовного дела рисуют несколько иную картину событий. Во-первых, приложение «вещдоки» формата примерно А4 всё-таки правильно назвать не плакатами, а листовками. Во-вторых, из рассказа Василия Васильевича складывается впечатление, что он лично печатал эти прокламации вместе с двумя студентами, а затем с ними же их и расклеивал. Между тем на первых допросах никакие другие фамилии, кроме Куприяновой, Леонтьевы не назывались, а своё участие в печатании прокламаций он отрицал начисто. Впрочем, учитывая, что интервью было взято примерно через 70 лет после описанных событий, подобные разночтения вполне допустимы.

Теперь, временно отложив воспоминания Василия Васильевича, снова сосредоточимся на материалах уголовного дела. Тогда же, в день ареста, чекистами были произведены обыски на квартирах Леонтьева, проживавшего по адресу: Крестовский остров, Эсперо проспект, дом 7, кв. 2, и Куприяновой (Васильевский остров, 10-я линия, дом 29, кв.1). Ничего существенного обнаружено не было, и все вещдоки по-прежнему сводились к изъятиям у Куприяновой 30 листовок. Впрочем, большего и не требовалось.

Посмотрим, какие же именно «несущественные» показания дали задержанные на первом допросе.

Леонтьев на вопрос: «С каких пор и сколько прокламаций хранил?» ответил: «Не помню». Затем, видимо, сообразив, что такое заявление равнозначно признанию в хранении нелегальной печатной продукции, дал пояснения: «3 ноября около 10 часов вечера я встретил Куприянову, знакомую мне по семинарам и академическим занятиям. Куприянова попросила помочь ей в расклейке листовок, и я пошёл с ней». Далее Леонтьев отметил, что «кни в каких отношениях с Куприяновой не состоял, ранее о политике с ней не говорил и никаких пояснений о происхождении прокламаций дать не может».

На следующем допросе, состоявшемся в тот же день, задержанный повторил свои прежние показания. Кое-что новое содержит только заключительная часть протокола.

«Следователь: Знакомы ли вы с программой и критикой РСДРП?

В. Л. Нет.

Следователь: Расклеивали ли вы сами листовки?

В. Л. Листовки были у Куприяновой. Я их брал и расклеивал».

Здесь Леонтьев, видимо, сообразил, что при такой формулировке ещё неизвестно, кто именно — он или Куприянова — будет выглядеть организатором, а кто — соучастником преступления. Поэтому фразу была перечёркнута и заменена на лаконичное: «Помогал».

На вопрос, что же его толкнуло к участию в подобной акции, прозвучал ответ: «Шёл лишь как бы реагировать на аресты среди студенчества». Далее следователь, видимо, и сказал что-нибудь вроде: «Мы ведь вас и расстрелять можем», но в протокол, разумеется, это не вошло.

Записано было по-другому:

«Следователь: Согласны ли вы, что можете быть наказаны за расклейку?

В. Л. Да, предполагаю, что, может быть, самое большее — ссылка».

Явно заверившись от прозвучавших в его адрес угроз, Леонтьев всё-таки дал понять, что не надо брать его «на пушку».

В его пользу говорили два обстоятельства. Юный возраст и данные в тот же день показания Куприяновой: «Леонтьев никакого отношения к организации не имеет. Я же просила его помочь мне в расклейке, будучи с ним знакома по академическим занятиям и не имея в данную минуту человека».

Называть какие-либо фамилии Куприянова отказалась, но она произнесла ключевое слово — «организация». А это предполагало, что дело только начинается. Перед чекистами стояла задача — выйти на меньшевистское подполье. 16-летний юноша — всего лишь сочувствующий, а не член РСДРП, к тому же действовавший явно не по собственной инициативе, — интересовал их намного меньше, чем 20-летняя партийка Куприянова...

ЧЕЛОВЕК НА БУКВУ М

Своё пребывание в тюрьме Леонтьев вспоминал следующим образом.

«С. Колядина. Вы сидели в общей камере?

В. Леонтьев. Сначала, очень недолго, в общей, а потом пересели в одиночку. Моя камера была, как угол этой комнаты (ограничивает рукой 3-4 квадратных метра). Очень высокий потолок, метров 4-5, деревянные нары. И очень много тараканов. Они приходили по ночам. Допросы тоже были по ночам. Это было обычно между тремя и четырьмя часами ночи».

22 ноября Леонтьева выпустили, поскольку, по мнению уполномоченного ОГПУ Зверева, находясь на свободе, он не мог оказать влияния на ход следствия. Куприянова оставалась под стражей: наверняка на принятие подобного решения

повлияли данные, полученные агентурными путём. Подобное предположение подтверждается подшитой к делу справкой от уполномоченного ОГПУ Михайлова, согласно которой с 1922 года Леонтьев проходил по агентурному делу № 485. Но то был тот самый «стучашкин» на Леонтьева агент и можно ли быть уверенными, что он дал о своём «плодотворном» положительный отзыв?

Вновь предоставим слово Василию Васильевичу.

В. Л. Студенты всегда и везде студенты, всегда обсуждают мировые проблемы, всегда спорят. И я очень много спорил с моими товарищами-студентами. Многие из них были коммунистами.

С. К. О чём же вы спорили с ними?

В. Л. О том, нужна или не нужна свобода в нашем государстве, должна она быть ограничена или нет, о порядках в высшей школе. Так вот, я часто спорил со своими коллегами-коммунистами. И когда я говорил вещи, которые они считали совершенно невозможными, тогда меня на Горюховую забирали.

С. К. Да, своеобразные аргументы выбирали ваши коллеги. Скажите, пожалуйста, вы считаете, что вас забирали по доносу ваших соружников?

В. Л. О, безусловно. Потому что следователи знали абсолютно всё, что я говорил во время этих споров. И потом... Со мной учился студент М., очень убеждённый коммунист. И у нас с ним были частые споры. Хотя отношения были дружеские. Я вообще очень редко серьёзно злюсь. Так вот, следователи знали всё, о чём мы говорили с ним с глазу на глаз. Я думаю, что этого М. назначили, чтобы он присматривал за нами, потому что он правильно понимал большевистскую политику. Но из бесед со следователями я понял, что М. дал обо мне в целом хороший отзыв. Может быть, поэтому меня и выпустили».

Настоящая фамилия М. известна, но в уголовном деле он не упоминается. А поскольку агентное дело № 485 тоже не сохранилось, бросать тень на давно уже почившего человека мы не будем.

ГПУ ИДЁТ ПО СЛЕДУ

Следствие по делу Куприяновой продолжалось своим ходом. На очередном допросе она показала, что где-то с полгода назад выдвигала свою кандидатуру в Совет старост Петроградского университета, но по какой-то причине не была выбрана.

Так уж частично бывает со следователями: если не удаётся закрыть дело сразу, его начинают искусственно раздвигать. Стремление меньшевиков пролезть в один из руководящих органов университета

было истолковано как попытка поставить Совет старост под контроль антибольшевистских элементов.

28 декабря Зверев вызвал Леонтьева на новый допрос. Но 16-летний студент был по-прежнему предельно лаконичен. Нечто новое содержится только в одной его фразе: «Знаю Куприянову, я убедился, что она часто меняла свои убеждения, но была убеждённым меньшевиком». Скорее всего, он надеялся, что в глазах следователя вся история с листовками будет выглядеть «шалостью» двух юнцов, толком не разбирающихся в «текущем политическом моменте». Но если Леонтьева следователи и воспринимали юнцом, то манера поведения и заявления Куприяновой заставляли видеть в ней уже сформировавшегося врага советской власти. Аналогичная оценка возобладала и в отношении Онслендера и Фришман Фина. На другой день срок предварительного заключения в отношении всех троих был продлён до 1 февраля 1923 года...

Если судить по материалам уголовного дела № 2477, вплоть до этой даты ничего особенно значимого в ходе следствия не случилось. В реальности же можно предположить, что сотрудники ОГПУ активно общались с работавшей в студенческой среде агентурой.

Во всяком случае, когда перед прокуратурой встал вопрос об очередном продлении сроков предварительного заключения, Зверев обрисовал следующие промежуточные итоги: «Установлено, что в Петроградском университете существует организованный нелегальными марксистскими партиями Социалистический блок, частью которого является меньшевистское Социал-демократическое Венское объединение, возглавляемое студентом Яковом Львовичем Абрамовичем. «Венцы» рассчитывали провести своих людей в Совет старост и смогли отпугнуть листовки антигосударственного содержания.

Вывод: срок содержания Куприяновой, Онслендера и Фришман Фина следует продлить ещё на два месяца, поскольку, в отличие от Леонтьева, находясь на свободе, они могут воспрепятствовать ходу следствия. Чекисты за это время попытаются выяснить имена всех руководителей Социалистического блока и Венского объединения, а также найти типографию, в которой печатались листовки».

Хотя просьбу товарища Зверева и уважили, изначально, видимо, устроило ему наглый, потребовав быть поактивнее. Один за другим начали вызываться свидетели — в основном студенты и преподаватели, причём после дава показаний многие из них отправлялись в тюремные камеры. 10 марта 1923 года чекистам удалось арестовать печатавшую прокламацию Юнкерова Фе-

дора Архиповича (1886 года рождения, члена правления кооператива печатников) и её автора — Шехтера Константина Сергеевича (1874 года рождения, инструктора Союза работников просвещения).

13 марта Леонтьева вновь вызвали на допрос. И вновь ничего особенно интересного от него не услышали. Правда, одно признание из него всё-таки вытиснули: «Я состоял по предложению Куприяновой в Социалистическом блоке. В состав блока входили Куприянова и Абрамович как руководители. О других ничего не знаю». Очевидно, юноше пришлось прибегнуть к обычной в таких случаях тактике: признать то, что следователям и так было известно и не нуждалось в дополнительных доказательствах.

Товарища Зверева это поначалу удовлетворило, но 20 марта чекистами был арестован непосредственно печатавший прокламацию Яков Васильевич Гутман (1871 года рождения, рабочий типографии «Красный печатник»). Возможно, у следователя возникли подозрения, что кое-что о происхождении прокламаций Леонтьеву всё-таки было известно. И 23 марта его снова арестовывают и держат в заключении до 6 апреля.

ПРИГОВОР

Если суммировать материалы уголовного дела, становится очевидным, что, несмотря на давление, Василий Васильевич так и не дал показаний, которые могли бы повредить кому-либо из причастных к этой истории. А ведь у Леонтьева не было влиятельных ходатаев и он, в сущности, имел основания опасаться за свою будущность. Впрочем, сам Василий Васильевич вовсе не склонен был становиться в позу героя...

Из интервью:

«С. Колядина. Не повлияли ли эти аресты на вашу учёбу в университете?

В. Леонтьев. Ну, разве только тем, что в учёбе в момент арестов пропуски были небольшие. А так нет. Вы не думайте, пожалуйста, что я был активный борец политик. Для меня то, что я вам рассказывал, незначительными эпизодами было. И я совершенно не боялся. Но вот родители... Они просто убиты этим были. А я не боялся, нет, может быть, не понимал до конца, очень молодой был».

Единственным аргументом в его пользу была только молодость, вполне очевидная даже при сравнении с подельниками. К счастью, карательные органы в 1923-м ещё не превратились в калос, способный немолочно проехать по всем подозреваемым. Дело Леонтьева фактически оказалось слущенным на тормозах, а сам он не фигурировал в числе лиц, понёсших наказание...

Согласно вынесенному в мае 1923 года приговору, были осуждены 22 человека.

16 из них подверглись бессрочной административной высылке из Петрограда. Гутман был сослан в Туркестан на два года. Шехтер — в Берёзов на три. К трёхлетнему тюремному заключению приговорили четырёх человек: Куприянова, Ослендера, Фиман Фина, Юнкерова.

Судьба этой четвёрки прослеживается только до 1926 года. Ослендер, Фиман Фин, Юнкеров отбывали срок в Верхнеуральском политизоляторе ОГПУ и после освобождения, в мае 1926 года, были приговорены ещё к трём годам ссылки здесь же, на Урале.

Куприянова содержалась в Челябинском политизоляторе ОГПУ, где у неё проявилась острая форма туберкулёза. В характеристике отмечалось, что она дважды участвовала в голодовках и один раз в акции протеста. «Отношение к администрации придиричивое». Результат подобной «спридричивости» — ссылка в Туркестан на три года. Далее следы молодой меньшевички теряются.

ОПУХОЛЬ НА ЧЕЛЮСТИ

Благополучно избежав тюрьмы, Леонтьев остался под подозрением. Причины и обстоятельства последовавшего в 1925 году отъезда на Запад он излагал следующим образом:

«С. Коллядина. Вы покинули страну из-за этих арестов?»

В. Леонтьев. Вовсе нет! Я ещё раз хочу сказать: для меня это были мало-значительные эпизоды, и я не боялся совершенно. Выйдя из тюрьмы, я спокойно продолжал при случае спор с теми же людьми и на те же темы. Но я был увлечён другим. Для меня главное было — наука. Вот ей я занимался всерьёз.

С. К. Тогда что же побудило вас к эмиграции?

В. Л. Цензор запретил мою статью к печати.

С. К. Только из-за этого?

В. Л. Но это было для меня событием очень важным и многое мне объясняющим... Это была статья о путях развития науки, о казуальном и нормативном подходах в ней. Я рассматривал развитие двух этих методов у философов начиная с XVIII века, через Канта и Гегеля, и кончая Бергсоном. Это была историко-аналитическая статья, страшно далёкая от политики, от идеологии. И если запретили даже её... Я понял, что здесь наукой невозможно будет заниматься. Ну, может быть, и возможно отчасти, но нормальных условий для работы не будет. А работа моя — для меня главное в жизни. Когда я всё это понял, я решил уехать.

С. К. Но как вам это удалось? Выхват в начале 1925 года из России было делом непростым. «Железного занавеса» ещё не было, но граница уже была накрепком замке.

В. Л. Вы правы, это было почти невозможное дело. Но мне повезло. Я заболел, у меня была опухоль на челюсти. Врачи сделали операцию, удалили часть кости и решили, что это саркома. Тогда я попросил, чтобы мне дали паспорт. И мне дали паспорт. Решили — пусть едет, всё равно скоро умрёт. Когда я уезжал, мне врач дал баночку с удалённой костью. И когда я пошёл к врачам в Германии, они исследовали её и сказали, что это не саркома, и я остался живой. Так что мне саркома очень помогла. Согласитесь, она не многим людям помогает».

СЧАСТЛИВЫЙ ЭПИЛОГ

Благополучно выздоровев, Леонтьев окончил в Берлинском университете аспирантуру и вскоре уехал в Китай на должность советника министра железнодорожного транспорта. Однако сотрясенный революциями Восток располагал к научной и практической деятельности в ещё меньшей степени, нежели большевистская Россия. Гораздо более выгодным вариантом оказалась работа в Гарвардском университете, где Василию Васильевичу удалось получить гранд на создание схемы, иллюстрирующей механизмы взаимодействия между различными отраслями (1932).

Решение этой задачи завершилось созданием метода «затраты — выпуск». В результате американское правительство обрело инструмент, при помощи которого, не нарушая принципа свободного предпринимательства, могло влиять на рыночную стихию.

Начавшаяся Вторая мировая война позволила «обкатать» этот метод в условиях, которые принято называть чрезвычайными. Сделавшись руководителем русского подразделения стратегических служб США, Леонтьев сумел выработать наиболее эффективные способы оказания помощи Советскому Союзу.

Однако в 1950-е годы ситуация ухудшилась. В одном из своих докладов Василий Васильевич не только объективно оценил возможности американской экономики, но указал и на негативные моменты. В частности — на усиливающиеся монополистические тенденции.

Представители корпораций надавили на правительство, и метод «затраты — выпуск» фактически предали анафеме. К счастью, к тому времени известность Леонтьева была такова, что он мог позволить себе роскошь быть независимым. Его работы финансировались не только правительственными орга-

нами, но и различными частными фондами. Приток средств был таким значительным, что Василий Васильевич получил возможность создать Гарвардский центр экономических исследований, специализирующийся на совершенствовании метода и составлении таблиц «затраты — выпуск» для различных частных и государственных структур, как американских, так и иностранных.

В 1958 году он приезжал на Родину, где выступил с несколькими лекциями. Несмотря на весьма напряжённые отношения между СССР и США, имя его было дозволено упомянуть в научных дискуссиях, а разработки достаточно активно использовались Госпланом. Интересно, что как-то в Московском институте мировой экономики на вопрос, какие события ему больше всего запомнились в России, он честно, но, видимо, не без сарказма, назвал Февральскую и Октябрьскую революции.

Известие о присуждении Нобелевской премии (1973) застало Василия Васильевича в самый разгар работы над новым проектом. Представители ООН предложили ему создать всемирную экономическую модель, базирующуюся всё на том же методе «затраты — выпуск». Однако выполненная работа в значительной степени пропала втуне. Значительную часть экономических расчётов перечеркнула политика — распад СССР и крах социалистического лагеря.

Сам Василий Васильевич надеялся, что его опыт будет востребован и на исторической Родине. Однако при всех оказываемых ему знаках внимания Леонтьев не имел возможности влиять на ход преобразований в России. Хотя в это же время — конец 1980-х — начало 1990-х годов — по его рекомендациям работали правительства Италии, Испании, Норвегии, Марокко... Смерть великого учёного, последовавшая 5 февраля 1999 года в Нью-Йорке, вызвала огромный резонанс во всём мире и осталась практически незамеченной в России, которая как раз выкарабкивалась после дефолта.

В заключение ещё одна цитата. На вопрос: «Как вы думаете, что ожидало бы вас в Советском Союзе?» Леонтьев ответил: «Я думаю, вряд ли со мной здесь всё хорошо было бы. Я всегда был слишком независимым. Это трудно и в Америке — быть независимым, когда требуется финансировать твою работу. Но здесь... Боюсь, здесь было бы намного хуже».

г. Санкт-Петербург

Автор благодарит начальника архива УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области С. К. Бернева и сотрудников Леонтьевского центра за помощь в подготовке материала.